

стоятельства» также используется как синонимому понятие «новые обстоятельства» (ст. 419), что, как видится, является некорректным ввиду отсутствия соответствующего термина в ст. 418 УПК.

Сравнительный анализ действующего УПК, Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь 1960 г. и уголовно-процессуальных кодексов ряда зарубежных государств (например, Российской Федерации) показывает, что в совершенствовании нуждаются и иные положения ст. 418 УПК. Так, в соответствии с пунктами 1–3 ч. 2 этой статьи указанные в них преступные действия, установленные вступившим в законную силу приговором суда, являются основаниями возобновления производства по уголовному делу в случае, когда они повлекли постановление только незаконного приговора, вынесение незаконных определения и постановления. Буквальное толкование приведенной нормы не даст возможности возобновлять производство по уголовному делу в случае нарушения иных требований, предъявляемых к приговору в соответствии со ст. 350 УПК, в частности, требования об обоснованности приговора.

В контексте такого сравнительного анализа требует своего уточнения и п. 3 ч. 2 ст. 418 УПК, в соответствии с которыми основаниями возобновления производства по уголовному делу являются установленные вступившим в законную силу приговором суда преступные действия судей, совершенные ими при рассмотрении данного дела. Дело в том, что в п. 46 ст. 6 УПК разъясняется, что термин «судья», употребляемый в УПК, включает профессионального судью любого суда и народного заседателя, а в ст. 418 УПК не имеется каких-либо дополнительных указаний по этому поводу. К примеру, в Российской Федерации присяжные заседатели не включаются в число судей и не подпадают под действие п. 3 ч. 3 ст. 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, закрепляющей аналогичное основание возобновления производства по уголовному делу. Представляется, что неясность употребляемого в п. 3 ч. 2 ст. 418 УПК понятия может вызывать существенные нарушения на практике.

ИНСТИТУТ МЕР ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ В УПК ШВЕЙЦАРИИ И В УПК РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

А. А. Трефилов

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Итак, сравнительный анализ УПК Швейцарии (титул V) и Республики Беларусь (раздел 4) позволяет выявить следующие различия в регулировании данного института:

1. УПК Швейцарии в строгом смысле слова не отграничивает меры процессуального принуждения от следственных действий. Титул V

(*Zwangsmaßnahmen*) помимо задержания, заключения под стражу и т. д. регламентирует также обыск, ДНК-анализ, наблюдение, применение законспирированного агента и т. п. Смысл такого подхода заключается в том, чтобы распространить гарантии, связанные с мерами процессуального принуждения, на некоторые следственные действия в целях защиты прав личности в уголовном судопроизводстве. Данный подход представляется достаточно прогрессивным в отношении государств СНГ, в том числе Беларуси.

2. В целях более рационального использования соответствующих мер и объективности при их избрании швейцарский законодатель создал отдельную ветвь судов, занимающихся только данным вопросом. Ими являются Суды по вопросам мер процессуального принуждения (*Zwangsmaßnahmengerecht*). Прогрессивность данного подхода едва ли нуждается в аргументации. Как известно, в Беларуси, России и других странах СНГ столь большое количество обвинительных приговоров во многом обусловлено тем, что судья, избравший меру процессуального принуждения в виде заключения под стражу, в силу целого ряда причин по сути лишен возможности постановить оправдательный приговор по данному делу. В свою очередь, швейцарская модель решения данной проблемы по сути вовсе ее снимает.

3. Принципиально важная особенность швейцарской системы мер процессуального принуждения заключается в том, что в ней не существует единой конструкции в виде заключения под стражу. Законодатель разделил ее на две самостоятельные меры. Ими являются *Untersuchungshaft* – следственное заключение и *Sicherheitshaft* – заключением под стражу, направленное на обеспечение безопасности. Согласно ст. 220 такая мера, как *Untersuchungshaft*, начинается с ее предписания судом по вопросам мер процессуального принуждения и завершается после направления обвинения в суд первой инстанции, досрочного исполнения санкции, связанной с лишением свободы, или освобождения обвиняемого во время досудебного заключения под стражу. В свою очередь, такая мера, как *Sicherheitshaft* представляет собой заключение лица в период между направлением обвинения в суд первой инстанции и вступлением в законную силу приговора, предписывающего санкцию в виде лишения свободы или освобождение. Несложно заметить, что различие же между ними состоит прежде всего в стадии процесса, на которой они вправе применяться. Данная дифференциация и связанные с ней правовые режимы в значительной мере способствуют реализации прав, соответственно, подозреваемым, обвиняемым и подсудимым на различных стадиях уголовного судопроизводства. Белорусский, равно как и российский законодатель, пока на данный шаг не пошли.

Таким образом, новый УПК Швейцарии, воплотивший в себе современные достижения науки уголовного процесса, представляет значительный интерес для исследования белорусскими и российскими процессуалистами, в том числе посредством анализа рассмотренного института, предопределяющего цивилизованность правовой системы в целом.

К ВОПРОСУ О ПРИОСТАНОВЛЕНИИ РАССЛЕДОВАНИЯ НА ОСНОВАНИИ П. 3 Ч. 1 СТ. 246 УПК РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Р. В. Маджаров

Академия МВ/Ц Республики Беларусь

Одним из предусмотренных п. 3 ч. 1 ст. 246 УПК Беларуси оснований приостановления расследования является отсутствие реальной возможности участия в производстве по уголовному делу обвиняемого, чье местонахождение известно, в связи с невозможностью по объективным причинам прибыть к месту производства предварительного расследования. По данному основанию ежегодно приостанавливается около 150 уголовных дел. Однако вопросы его применения до настоящего времени затрагивались лишь в единичных публикациях отечественных ученых и исследователей, в частности, И. В. Данько и О. С. Постникова. В России проблемы, связанные с применением аналогичного основания, закрепленного в п. 3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, рассматривали М. С. Егорова, К. Б. Калининский, В. В. Рябчиков, К. А. Сергеев, Е. К. Черкасова и др. В своих работах авторы в основном уделяли внимание обстоятельствам, препятствующим явке обвиняемого. Содержание же выражения «когда местонахождение обвиняемого известно» осталось полностью не раскрытым.

Критерий известности, как следует из словаря Ожегова, предполагает, что сведения, которыми располагает орган расследования, с определенной степенью точности отражают реальное положение вещей, т. е. на вопрос: «Где находится обвиняемый?» следователь (дознатель) обязан дать четкий ответ, позволяющий однозначно определить место пребывания данного лица. Вместе с тем «степень точности» — понятие оценочное: оно как указывает на близость полученных данных истинному значению, так и допускает определенное их несовпадение. В нашем случае это обозначает, что под известностью местопребывания обвиняемого можно подразумевать наличие данных о стране, регионе, населенном пункте или конкретном доме, в котором он находится. Исходя из этого, Е. К. Черкасова предлагает считать место проживания лица установленным лишь тогда, когда имеющиеся сведения позволяют «направить в его адрес почтово-телеграфную корреспонденцию, т. е. известны не только